

Владимир Родич

Амонд

Рассказы, миниатюры

Владимир Родич

Амонд

«Издательские решения»

Родич В.

Амонд / В. Родич — «Издательские решения»,

«Амонд» — это сборник рассказов и миниатюр, долго пылившихся в столе, но наконец-то дождавшихся своего часа публикации. Рассказы порой по-детски трогательные, порой по-взрослому жесткие и даже пошловатые, все очень разные, но объединенные явным равнодушием и участием ко всему и ко всем, о ком и о чем идет речь. Если вы будете читать «Амонд» внучке перед сном, вы сами будете и улыбаться, и плакать, а после прочтения миниатюр вам обязательно понадобятся более развернутые объяснения бытия.

© Родич В.

© Издательские решения

Содержание

Амонд	6
Вместо предисловия	7
Глава первая	8
Глава вторая	9
*Справка для непосвященных	10
Глава третья	11
*Справка для непосвященных	12
Глава четвертая	14
Глава пятая	16
*Справка для непосвященных	16
Глава шестая	18
Глава седьмая	20
*Справка для непосвященных	21
Глава восьмая	22
*Справка для непосвященных	23
Глава девятая	24
Глава десятая	25
*Справка для непосвященных	25
Глава одиннадцатая	27
Глава двенадцатая	29
Глава тринадцатая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Амонд
Рассказы, миниатюры
Владимир Родич

Чтобы оставлять следы, нужно делать шаги

© Владимир Родич, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Амонд

Вместо предисловия

Тихими зимними вечерами, когда снежинки, подобно сказочным мотыльковым облакам, вьются вокруг городских многоэтажек, в одной из комнат на седьмом этаже гаснет электрический свет, и укутанная пледом маленькая девочка с большими заплаканными глазами подходит к окну, вглядывается куда-то в глубину этой легкой порхающей красоты и тихо шепчет: «Амонд, вернись! Вернись, пожалуйста, Амонд!».

Где-то там за окном смешно кувырывается большая вьюжная собака, время от времени подставляя снежинкам язык в надежде разгадать секрет появления и исчезновения этих холодных, немного колючих, но очень добрых и красивых белых мух.

...Как и цифры, для людей огромное значение имеют слова. Многие умеют из слов лепить целую жизнь. Порой слова рождают красивые неземные чувства, и кому-то начинает казаться, что он попал на седьмое небо. К сожалению, а может быть, к счастью, собакам слова неведомы.

Собаки знают, что мир не изменишь словами, какими бы правильными, умными и громкими они ни были. Для собак ценность таких понятий, как Дом, Друг, Верность, Сила, Нежность и Честность далеко не в словах. А самое светлое и чистое человеческое чувство Любовь собака несет с самого рождения и до самой смерти со всей собачей доверчивостью, бескорыстностью и прямоотой.

Но друг ушел, и его не вернуть, а память о нем кто-то должен вложить именно в слова, простые человеческие. Хотя бы для того, чтобы та самая маленькая девочка у окна не чувствовала себя такой одинокой.

Глава первая

О воронежской деревушке Борки, забытой не только Богом, но и воронежцами.

Так бывает: кружит-кружит по полям одинокая речка, знать не знает, что за ближайшим леском течет другая, такая же одинокая и тихая. Но стоит двум речкам повернуть друг другу навстречу, они сольются и, уж точно, будут «не разлей вода»... Давным-давно надменный и гордый Польный Воронеж устал скитаться по среднерусским широтам, завернул за Рамонь и встретился с красавицей Лесной. Прошли века, а они все текут неразлучно до самого Дона.

Невелик Воронеж своими водами, и многим нашим соотечественникам совсем неизвестен. Но матушка история нет-нет, да и споткнется об это название тихой реки и красивого города. А Борки? Ну что Борки? Кто о них знает теперь. Кругом ракеты да компьютеры... То ли дело лет сто или двести – триста тому назад.

В старые добрые времена славилась деревенька своими чародеями-лекарями, изрядным самогоноварением и не в меру уродливыми башенками на околице. Века минули, и время в Борках поменялось, так что не понять теперь – кому благодать, а кому напасть. Старые люди ушли, а новые, решив замаскироваться от ротозеев да соглядатаев, на дорожном знаке у поворота в деревню исправили букву «Б» на «П» – так что Борки превратились в Порки.

...Под горой, ниже Борок на берегу Воронежа пара вечно пьяных мужиков круглый год денно и ночно лет тридцать подряд сторожила базу отдыха Объединения местной промышленности «Дубки». Однажды Объединения не стало. С того дня база отдыха отдыхала от отдыхающих, как отдыхающие отдыхали от местпрома. Ушли сторожа, и не осталось через неделю в Борках вообще никакого следа никакой промышленности – лишь добрая память отдохавших здесь когда-то горожан да дубки, заботливо укрывшие бессовестную наготу фундаментов разобранных и растащенных домиков.

Но свято место пусто не бывает. На живописном месте у реки вскоре появились два новеньких сосновых сруба без крыш, плюс палатка с двумя первопроходцами, уставшими от городской суеты и решившими, хотя бы на время, поменять Воронеж-град на речку с тем же названием. Еще через год в Борках под могучей горой вырос дачный поселок, под неусыпным присмотром Амонда, о котором мы еще не рассказывали. Впрочем, вы, должно быть, уже догадались, о ком пойдет речь...

Глава вторая

В которой появляется Его Величество Амонд во всей своей собачьей красе.

Когда-то, когда вышеупомянутые первопроходцы еще не чувствовали запаха ни каких Борок, выходные дни им приходилось коротать, по-соседству со своими беззаботными, но, к сожалению, не всегда безобидными согражданами в «Белых песках». То была некогда шикарная база отдыха, ставшая к концу двадцатого века собственными останками с тем же названием и теми же функциями, что и при царе Горохе. С виду суровый Соломоныч, как и подобает настоящему директору настоящей «базы», гостей всегда принимал лично и всегда радушно, за что был всеми любим и уважаем. В этот раз ни каких исключений не ожидалось. Саламоныч, как всегда, был учтив и приветлив, а по-соседству, как обычно, гуляла шумная и, на вид, далеко не безобидная компания. «Горько» никто не кричал, и виновников торжества во главе стола было не больше одного. Одним словом – не свадьба, и слава Богу...

По неписаному регламенту любого Дня рождения после очередного тоста официальное русло праздника вынесло соседей к водопаду бурного веселья, утопив, в конце концов, всех до одного в пьяном озере сна. Наутро, с незначительными потерями в личном составе вынырнув на тихую гладь субботней действительности, они лениво потянулись к длинному столу, густо усыпанному остатками минувших гастрономических оргий. Да так и остолбенели.

На столе могучим танком стояло молчаливое, но грозное существо тигрового окраса и внимательно наблюдало единственным глазом за осторожными движениями икающих с похмелья людей. Существо откровенно издевалось над присутствующими, игнорируя охвативший их ужас и не без причин вело себя, как собака диковинной тогда в Воронеже породы стаффордширский терьер. На голове его, размером со скворечник, красовался замысловатый узор из старых и совсем свежих шрамов. Было ясно, что отношение пса к пьянству далеко не однозначное и не позитивное. Гости внимательно разглядывали одноглазый танк и гадали, где он мог потерять свой второй глаз... Когда же, наконец, додумались – перспектива похмелиться у слабонервных гуляк моментально улетучилась, и очень скоро они спешно разъехались. К счастью, не все.

Немногие оставшиеся гости вместе с хозяевами Амонда, (именно так звали грозного, на первый взгляд, стаффорда), стали развлекаться игрой в карты, а именно в «козла». Ясно, что рогатое упрямое животное к этой игре не имело ни какого отношения, но проигрывать было очень неприятно. Особенно, если проигрыш усиливался специфичными для этой игры регалиями. Видавшие виды картежники поочередно «вылетали» из игры, умудряясь при этом ловить рыбу, пить водку и восхищаться чудной рамонской природой. Одним словом, скучно не было. А ночью, уже при свечах, Амонд, подперев лапой сонную морду, долго не мог заснуть, слушая нестройный, но очень дружный хор картежников и рыбаков, хмельными голосами распевających популярные народные песни.

Утром явился Соломоныч и стал незлобно ругаться, едва сдерживая при этом смех. Но смех прорывался наружу, и, в конце концов, выяснялось, что наслушавшийся песен Амонд всю ночь куролесил от домика к домику, не давая мирным отдыхающим свободно справить нужду, даже малую. Вряд ли, он так заботился о безопасности подуставших хозяев, скорее всего, ему тоже хотелось почудить... Хозяева Амонда и раньше подумывали о конституционных правах мирных граждан. Но именно в тот день Амонд сподвигнул их к шагу, который стал

первым на пути строительства упомянутого дачного поселка в Борках. Как говорится, от греха подальше.

***Справка для непосвященных**

СТАФФОРД (Американский стаффордширский терьер) – порода служебных собак, близкая к пит-бультерьеру и английскому стаффордшир-бультерьеру. Стаффорд выведен в США в 19 веке. Стандарт породы впервые утвержден в Американском клубе собаководства в 1936 году. В России такие собаки появились лишь в 1989 году и очень быстро завоевали популярность. Собака среднего размера, но производит впечатление очень сильной и мощной: крупная голова с мускулистыми скулами и квадратной мордой; крепкая шея, переходящая в широкую и глубокую грудь; мускулистые конечности. Шерсть короткая, глянцевая, разнообразного окраса. Собак используют для охраны имущества и в качестве личных телохранителей. Стаффорда необходимо приучать к дисциплине как можно раньше, так как он своенроен и упрям. При неправильном воспитании становится непослушен и опасен.

Глава третья

Где все полезно, что в рот полезло. А также некоторые сведения о провале операции «Кобан! Ко мне!»

Графский заповедник – как заповедное слово старого графа. Здесь чудо-реки: Усмань, Ивница, Хава, Воронеж. По их берегам – хлопущи и мхи, на них бобры-аборигены. Здесь чудо-земли, которые гордым взором окидывает столетний орел-могильник, заповедный сторож. Это не просто природа – это поэзия. Выдра, горностай, кряква. Лапландская ива, пушица и клюква.

Вы только вслушайтесь, каково звучит: кабан под бересклетом, кряква в росянке. Это вам не ананасы в шампанском, не салака в собственном соку. Прямо в таком первозданном виде – и к столу! И друзей за стол.

Но разве мы можем себе это позволить в наш век разума и сои? Нет и еще раз нет! Другое дело – Амонд. Он ближе к природе, чем мы, а значит, ближе к поэзии. Его за это незачем винить. Поэзия мяса и птицы – разве для Амонда здесь не пахнет Пушкиным и Тютчевым?

В общем, под Борками так много зверья, которому тоже нужно чем-то питаться, что не дай вам Бог оставить на ночь за палаткой хоть что-то из съестного. К утру не будет и объедков.

Новые поселенцы, те самые легендарные боркинские первопроходцы, в целях сохранности провианта построили дощатый лежак, подняв его метра на полтора от земли и спрятав таким образом свой незамысловатый провиант от любопытных местных зверюшек, зверей и зверюг. Если последних Амонд немного опасался, то с первыми и вторыми не упускал возможности познакомиться лично, и зачастую – прямо под лежаком. За ночь он столько раз успевал спрыгнуть вниз, что под утро у него уже не было сил запрыгнуть обратно. В такие тяжелые (и в прямом, и в переносном смысле) минуты он садился у палатки и выл. Протяжно и безысходно.

Просыпался хозяин и затаскивал Амонда наверх, каждый раз убедительно угрожая ему перспективой открытия вакансии цепного пса. Но наступала новая ночь, и история повторялась. А подъем у деревенских строителей очень рано. У всех, за небольшим исключением... Ведь ночные сторожа, как положено, спят до обеда.

Один не наш, но тоже хороший поэт по имени Эмерсон, говаривал, что во всем отрицательном, непременно, есть хоть что-то положительное. В данном случае хозяин на секунду задумался: «что важнее – оторванная от работы минута днем, или восемь часов спокойного сна ночью?». Ответ наприсился сам собой, а немного погодя, из него была извлечена выгода. За минуту наши новоявленные столяра сколотили приличные ступени, сильно упростив себе, таким образом, процедуру подъема в палатку не только тяжеленного Амонда, но и собственных тел.

Другая польза от оных событий заключалась в том, что однажды осенью хозяина, случайно вспомнившего эту историю, озарила простая до гениальности мысль: «если зверь сам охотно бежит на ловца, не боясь ни людей ни Амонда, зачем на него охотиться? Положил лакомый кусочек – добыча сама уже тут как тут! Тем более – скоро зима, мороз реку льдом

скует, с противоположного берега, из заповедника, кабаны в гости пожалуют на ужин званый. А кабанов там – хоть пруд ими пруди!».

На другой день Амонд отправился со своими хозяевами в заповедник на разведку, по грибы как бы... И обнаружил приятную особенность того берега: он весь, словно государственная граница, перепахан вдоль и поперек какими-то очень вкусными, судя по запаху, пограничниками. Любопытство Амонда было замечено хозяином, и через неделю была разработана и практически проведена грандиозная операция «Кабан, ко мне!»

Смысл операции – охота на кабана из форточки собственной кухни. Вернее, из ружья, конечно, а не из форточки. Но и из форточки, в каком-то смысле, тоже. Оправдание перед законом железное – нечего, мол, диким свиньям по чужим дачам шастать!

И вот уже местные свекловоды на двух «КАМАЗах» везут в Борки приманку и вываливают ее в пристрелянной с позиции «из форточки» зоне. Приманка – сахарная свекла лучшего отечественного сорта! А план – как всегда гениален: лишь только на реке станет лед, из заповедника притапают полопать живые свиные отбивные. Сами нажрут, и Амонда с хозяевами накормят. Да и сторожа-свекловоды без кабанятинки не останутся.

К слову история.

Одна маленькая девочка спрашивает у другой маленькой девочки:

– А что у тебя за собака?

– Немецкая овчарка, – гордо отвечает подружка.

– Немецкая*, – задумывается первая. – В плен сдалась, что ли?

Так вот, кабан, по мнению генератора идей, хозяина Амонда, сам должен к охотнику явиться, доложить по форме, что так, мол, и так, в плен сдаться, и без всяких там «удобно, не удобно» – прямоком на стол (в виде блюда, а не в смысле поговорки «Посади свинью за стол...»).

***Справка для непосвященных**

НЕМЕЦКАЯ ОВЧАРКА

Выведена в Германии во второй половине 19 века. Впервые была представлена на выставке в Ганновере в 1882 году. Вскоре немецких овчарок начали широко использовать в полиции в качестве конвойно-сторожевых и розыскных собак. Во время первой и второй мировых войн овчарки служили в армии связными, минерами и санитарами. Немецкая овчарка известна своей сообразительностью, способностью к любым видам дрессировки, преданностью хозяину, выносливостью, однако без дела становится злобной и неуправляемой.

Та зимовка для новых хозяев Борок на новом месте была первой, так что невдомек было людям, что льда в здешних местах на Воронеже ждать иной раз годами приходится. Да что там! – шуку в феврале ловить на спиннинг можно. И клюет, еще как клюет. В феврале-то...

Так вот, льда в том году не дождались, а заснеженная свекольная куча, вырабатывая своим гниением приличное, по мышинным меркам, тепло, стала приманкой не только для отбивных, но и для всей прочей живности, волей судьбы поселившейся не в Графском Государственном заповеднике, а на противоположном берегу Воронежа, вокруг Борок. Для кого пир – горой, а для кого – кучей сахарносвекольной.

Мышей развелось столько, что им стало тесно в свекольной куче, и они заселили весь дом. Лисы до того обнаглели, что стали приходить «на мышатинку» даже днем, причем по нескольку штук сразу. Потом повадились волки. Серые преследовали одну цель: доказать людям, что лиса – это не только полшапки рыжего меха, но и пара килограммов удобоваримого мяса. Удобоваримого для волков.

Хозяин Амонда имел репутацию опытного и весьма образованного медика, не понаслышке знавшего некоторые научные работы выдающегося француза Паре и знаменитого немца Бильрота. Поэтому, когда к порогу Борок стала подкрадываться весна, он, проходя мимо кучи «недоделанного сахара», заметно ускорил шаг и затыкал нос, дабы не подцепить какой-нибудь страшной инфекции.

В ту зиму Амонд вообще забыл, что такое «скучать». Ежедневная охота его ничуть не утомляла, а наоборот веселила и отвлекала от рутинной домашней работы, добыча же неизменно радовала его своим разнообразием и обилием. Поэтому, когда вдруг из деревни приехали люди в ватных телогрейках, погрузили кучу с мышами обратно в машины и куда-то увезли, он был просто вне себя от гнева. И это был единственный раз в его жизни, когда он понимал котов. Не даром говорят, чтобы кого-то по-настоящему понять – нужно поставить себя на его место.

Правда, как-то раз Амонд лизнул водку, и какое-то время своего хозяина не понимал совершенно.

Глава четвертая

Об Амонде и мороженом (со слезами смеха и сочувствия)

Мороженое любят все. Мужчины и женщины. Французы и немцы. Дети и взрослые. Собаки и кошки. Муравьи, и те любят мороженое. Но Амонд не муравей. И мороженое он не просто любил – боготворил. А иногда ему даже молился. В одном, пожалуй, религия Амонда в корне отличалась ото всех остальных, известных ныне религий. Обычно, помолившись на мороженое, Амонд его съедал. Если мог.

Как-то Амонду улыбнулась своей плутоватой улыбкой госпожа Фортуна. Из Воронежа на выходные приехали гости. И в их сумках мороженого оказалось столько, что оно даже не уместилось в морозилке. Как только Амонд унюхал свое божество, сразу принялся усердно ему молиться, и не напрасно. Уже через час, когда люди поняли, что самым им с такой прорвой мороженого не справиться, Амонд в очередной раз убедился в волшебной силе веры, потому что хозяева, это было видно по их умиротворенным лицам, наконец-то решили устроить своему любимчику большой праздник жизни. И тут началось... Пломбиры, эскимо, замороженный сок... В шоколадной глазури, в вафельных стаканчиках и брикетах... На палочке и без. Обжора нализался мороженого до такой степени, что в него больше не лезло. Но в пакете оставалось пять брикетов пломбира, которые, несомненно, еще могли пригодиться. Амонд знал, что нужно делать, главное потом не забыть место, куда спрятал. Вкусное холодное божество, видимо, не очень хотело прятаться, поэтому Амонду долго не удавалось остановиться на чем-то определенном.

В конце концов, драгоценный пакет с мороженым был спрятан в единственной прогулочной лодке и тщательно укутан старым хозяйским бушлатом. Весь день Амонд бдел неподалеку в кустах и никого не подпускал к священной лодке. Ближе к вечеру, когда жара немного спала, а вкус утреннего счастья постепенно полностью улетучился, Амонд полез под бушлат и – о, горе!

Увы, в детстве ему не рассказывали грустную сказку о маленькой Снегурочке, да и мороженое в гигантских количествах никогда не сваливалось на его голову. Бедный Амонд! Он был одним из самых несчастных существ на этой планете, в этой галактике и во всей необъятной вселенной...

Вой собаки Баскервильей, страшной героини Артура Конан Дойля, – жалкий писк в сравнении с тем, что в тот вечер слышали жители окрестных деревень. Амонд выл протяжно и громко. И многим казалось, будто сам архангел Гавриил спустился на грешную землю, чтобы вострубить в восьмой раз...

Кстати, пакет оказался еще и дырявым, а на дне лодки была вода. Мороженое, растаяв, попросту утекло, оставив Амонду лишь сжуренные вафельные корочки, пахнущие водорослями и обидой. Весь вечер Амонд всех и вся подозревал в подлой краже. Единственный глаз его, помимо обиды, выражал откровенную злобу и глубокое недоумение: «Как же так!? Я ведь сторожил весь день, ни на секунду не покидал пост, не упускал из виду объект своего великого вожделения ни на миг! Какая подлость! Какая глупая и нелепая смерть! Коты драные!!!»

Вероятность вероломного нападения на лодку с суши Амонд отвергал полностью, а вот вода... Ведь именно от нее со дна лодки исходил тонкий запах украденного пломбира, а это, извините, прямая улика. И значит – вора следует поискать в реке. На проплывавших мимо байдарочников пес лаял так, что пенные брызги его кипящих слюней заставляли туристов

поднять на весла свои байдарки и, как на крыльях, нести их по воздуху до самого горизонта. Иные, менее быстроходные суда просто сдувало чудовищным лаем на противоположный берег. Кроме того, на следующий день всем взрослым и детям Амонд строго-настрою запретил купаться в реке. Утешить горемычника не удалось, даже скормив ему все вкусное, что было в холодильнике. Расстроенные гости уехали домой, так и не испытав счастья венецианских гондольеров или афинских купальщиц.

Вот такая, простите, катавасия, приключилась в Борках из-за мороженого.

Глава пятая

В которой сила отцовской любви опровергает постулаты библейских мудрецов.

...Библейские мудрецы уверяют, что когда-то собака была человеком. А причиной обратной трансформации послужила именно собачья прожорливость. Оставим это утверждение на совести библейских мудрецов, и вспомним весьма поучительную историю о том, как однажды Амонд отказался от предмета своего кулинарного обожания.

Мороженое – мороженым, божество – божеством, а еда – едой.

Любимой едой Амонда была курица. Он мог за нее отдать все что угодно. Лапу, ухо, хвост. Люди в таких случаях говорят: «Собственную мать продал бы». Увы, автору этих строк не довелось общаться с матерью Амонда, но после истории, однажды случившейся в «Белых песках», есть уверенность, что родственные связи для Амонда имели гораздо большее значение, нежели банальная гастрономическая любовь к птице.

Однажды у Саламоныча собралось на редкость много отдыхающих с собаками. Среди них был и счастливый обладатель щенка, гордо и достойно с рождения носившего звание «сын Амонда». Ему тогда не исполнилось и года, но это был уже хорошо натренированный, физически сильный и вполне сформировавшийся бойцовый пес.

Так вот, некий гражданин поспорил, что его пит-буль* побьет стаффорда, но против Амонда выставить своего воспитанника отказался.

Для сына Амонда это был первый бой. Он не был слабее, но опыт есть опыт. Первый раунд шел наравных. Оба противника были отважны, и никто из них не чувствовал боли. После того, как бойцов по какой-то причине растащили, щенок Амонда, не понимая смысла дальнейшей борьбы, еще не успев почувствовать в себе фанатичной жажды победы, решил ретироваться. Но не тут-то было. Пит-буль, как только почувствовал верный шанс победить стаффорда, стал относиться к собственной жизни очень бесшабашно. Он ринулся на щенка, как в последний бой. И победил с большим преимуществом.

Амонд следил за боем из-под стола. Хозяйка пыталась отвлечь его от неприятного зрелища и сунула под стол миску с целым куриным окороком, но пес даже и глазом не повел. Когда бойцов растащили, побитый щенок приковылял к своему великому отцу и, поскуливая, улегся рядом. Амонд, зализав сыну раны, носом пододвинул к нему поближе курицу, сам же, сильно расстроенный, отвернулся, с грустью положил свою голову на лапы и пустил обильную слюну. У всех, кто это видел, на глазах заблестели слезы...

Кто бы мог подумать, что собаки способны на родительскую любовь?! Разве только библейские мудрецы.

***Справка для непосвященных**

ПИТ-БУЛЬТЕРЬЕР

Порода пит-булей (от англ. pit – натравливать и bull – бык) выведена в США для уличных боев и охоты на крупного зверя. Собаки подобного типа изображены на гравюрах старой доброй Англии XIV – XVIII веков в батальных сценах и сценах охоты. В США название «американский пит-бультерьер» начали употреблять в племенных книгах с 1898 года. Это подвиж-

ная, хорошо сложенная собака с развитой мускулатурой. Высота в холке – 46—56 см, вес – 18—36 кг. Шея с хорошо развитой мускулатурой плавно переходит в глубокую грудь. Шерсть короткая, густая, плотно прилегает к коже. Окрас любой – сплошной и с отметинами. Пит-буль славится силой и бесстрашием. Однако правильно воспитать его может лишь очень опытный собаковод. В ряде стран распространение пит-булей подвергается жестким ограничениям. Они запрещены в Швеции; в Великобритании и России их разрешается выводить только в намордниках, а кобели подлежат стерилизации. Запрещен ввоз пит-булей в ряд областей США.

Глава шестая

О том, как в воронежских реках завелись крокодилы. Или того хуже...

Когда между собакой и кошкой возникает дружба, то это непременно союз против повара. Так написано в русских народных скрижалях. Амонд же, как существо разумное, всегда предпочитал союз с поваром, будь то собственный хозяин или члены его семьи. А кошек терпеть не мог! С тех самых пор, когда одна из них – то ли защищая котят, то ли просто из вредности – больно царапнула его по морде.

Кстати, не все собаки ненавидят кошек. Знали мы одного славного пса с улицы академика Прянишникова, этакого своеобразного Маугли, которого кошки научили всем своим премудростям. Поначалу пес (тогда он был еще щеночком) удивил хозяев тем, что выпрыгнул из закрытого дома в форточку. Потом он стал регулярно таким хитромудрым способом, подсмотренным у кошек, сбегать из-под стражи во двор. Но скоро он вырос, и в одно прекрасное утро, отправившись на прогулку вслед за Мурзиком в окно, попросту застрял в форточке... Прыгать-то он отвык быстро, да вот беда – повадился ходить в туалет в кошачью ванночку. Сравните маленького котика и большую регулярно пьющую (только воду) собаку, и вам все станет ясно: хоть до всемирного потопа было и далеко, но котик утонуть в таком море мог бы запросто. Если этот котик, конечно, не морской...

А Амонд, гоняя как-то вокруг строящейся в Борках дачи одну из представительниц кошачьего рода, до того раззадорился, что снес стоявшие вдоль стен леса. Вместе с ними – и строителей, работающих на этих лесах, а вместе со строителями – и емкости с раствором, который так долго приходилось замешивать горе-строителям. Если бы они только могли предположить, когда поначалу было так весело наблюдать за резвящейся собачкой, чем это для них обернется... С ног до головы зацементированные, предстали они пред светлые очи хозяина, когда тот вернулся со службы. Воистину, к превеликому огорчению хозяина, Амонд-строитель не состоялся. Но талант, если таковой имеется, когда-нибудь да проявит себя. Непременно проявит.

Во многом благодаря стараниям Амонда строительство в Борках затягивалось. Поэтому частенько Амонд с хозяевами отправлялись в «Белые пески», дабы достойно отдохнуть, а заодно и навестить известного нам Соломоныча. Там-то и проявились новые полезные качества нашего четвероногого героя.

Но прежде чем перейти к описанию очередного эпизода его биографии, позвольте сделать небольшое лирическое отступление.

Младшей дочке хозяев было годика полтора, когда родители впервые взяли ее в зоопарк. Прекрасный мир, со всех сторон окрашенный радужными красками добра, любви и счастья, она открывала для себя с невероятным интересом. Ей и в голову не могло прийти, что в этом бесконечно светлом мире есть что-то мрачное и злое, мечтающее стереть с лица земли все живое и слопать солнце. Поэтому, оказавшись в зоопарке возле бассейна и увидев торчащую из воды громадную пасть крокодила, она радостно закричала: «Мама, мама! Смотри – Амонд!»

В «Белых песках» наш герой частенько подтверждал свой крокодилий статус. Так, пока хозяева выбирали домик, разбирали сумки и набирались потихоньку алкоголем, непьющий

и изнывающий от жары Амонд несколько раз успевал сбегать на речку искупаться. При чем в воду он входил в безлюдных местах, а причаливал на пляже. Между собачьим стартом и собачьим финишем всех купающихся моментально выносило на берег девятым валом ужаса. А изжаренные на песочной сковороде поклонники древнеегипетского бога Ра вскакивали со своих належанных мест, истерично пытаясь выяснить, чей это крокодил – без намордника, без ошейника, без хозяина и без одного глаза покушается на их беззащитные тела. Амонд тем временем, распахнув свою крупнокалиберную пасть, равнодушно и мирно, подобно пограничному кораблю, курсировал вдоль берега и не помышлял ни о чем дурном.

На пляже появлялись хозяева Амонда и, как ни в чем не бывало, входили в воду, не обращая внимания на своего питомца, поражая паникующих на берегу пугливых демонстрантов прямо-таки возмутительным спокойствием. Отдыхающие, заподозрив подвох, вопрошали:

- Это случайно не ваш крокодил?
- Случайно не наш, – следовал невозмутимый ответ.
- Странно, – начинали улыбаться отдыхающие, – крокодил чужой, а вас не трогает...
- А вы не бойтесь, идите купаться! Вдруг он и к вам не полезет...

Те, что посмелее, недоверчиво приближались к кромке реки и, убедившись в беззлобности и некроваждажности зубастого пловца, позволяли себе окунуться в воду. Иные же с завистью косились на смельчаков, но в воду не шли. Однако и те и другие становились вдруг на удивление культурными. На пляже воцарялись порядок и чистота, а притихшие было дети вновь весело галдели, да так громко, что на крик явился Соломоныч, суровый на вид начальник «Белых песков». Как обычно, не разобравшись, он начинал урезонивать хозяев Амонда, не понимая собственной выгоды. Он даже пытался давать практические советы на предмет собачьего воспитания:

– Вы вот всю ночь алкоголя распиваете, потом до обеда храпите, как будто посреди базы эскадрилья вертолетов по ошибке заправилась водкой и теперь никак не взлетит. А собака ваша непьющая с утра похмельем не мается и с семи часов в речке сидит да на окружающих скалится. Вы бы вчера не жадничали, животному бедному стакан-другой налили бы, глядишь – дрыхло бы с вами до вечера, от жары в речке не пряталось, отдыхающих не смущало...

Потом до Соломоныча дошло, что Амонд на пляже – и за МЧС, и за милицию, и за «скорую». Даже за общество спасения на водах. И тогда Соломоныч сам стал спозаранку на речку купаться ходить. Чтоб Амонду помогать и отдыхающим докладывать о явной пользе плывущего по воде крокодила. Позже, когда до Соломоныча стали доходить упорные слухи о появлении то в речке Усманке, то где-то в Убле, то в заводах Хопра страшных, зубастых, но безобидных крокодилов, он только тихо посмеивался в кулак. И думал: побольше б таких Амондов – честным людям спокойней было бы!

Глава седьмая

Из которой следует, что собачья интуиция не подводит ни хозяев, ни... милицию.

Чудеса особой собачьей интуиции Амонд начал демонстрировать, когда ему едва исполнился год. В ту пору хозяину частенько приходилось по работе отбывать в столицу, и никому, даже ему лично, было неведомо, когда он вернется домой. Тут-то Амонд и решил навести предельную ясность в столь мутной ситуации.

Всякий раз, когда до появления хозяина оставалась пара часов, догадливый «юноша» бросал все свои важные дела и усаживался возле двери, давая понять домашним, что пора делать уборку и готовить ужин. Когда до приезда хозяина оставался час, Амонд позволял себе тихонечко, ненавязчиво так поскуливать. Но лишь только долгожданный автомобиль въезжал во двор, казалось, что дом взорвется, а дверь не достоинит на своем законном месте до момента, когда Амонду помогут ее открыть. Наконец дверь распаивалась, и счастливый пес сбивал с ног не менее счастливого хозяина. Но иной раз, пожалуй, лучше уж быть в командировке...

Как-то слякотным вечером в дверь позвонили. В том, что это случится, не было никаких сомнений – незадолго до звонка Амонд насторожился, суетливо уселся у входа и стал чего-то ждать. На ожидание приезда хозяина это не очень-то походило, тем более он был дома. Да и все остальные члены семьи тоже были дома. Итак – в дверь позвонили.

Хозяин осторожно отодвинул Амонда ногой в сторону и щелкнул замком. У входа «нарисовался» представитель достопочтимой советской, простите, российской милиции. Амонд с недоверием покосился на него – вдруг переоделся бандит какой?! Милиционер в свою очередь с опаской покосился на Амонда – вдруг съест?!

– Я, собственно, по поводу вашей собачки, – неуверенно проямлил участковый. – Жалоба на нее поступила.

– Ну, к жалобам мы привыкли, – невозмутимо отвечивал хозяин. – А в чем дело-то? Хотя, нет... Пройдите сначала. Что в дверях-то стоять?

– Уж лучше я здесь, – икнул участковый, глядя на нашего крокодила. – Это ж не собака, а смесь бегемота с мотоциклом! Задавит еще...

– Не задавит, проходите.

Милиционер долго упирался и вошел, лишь когда грозно порывающегося Амонда отправили в соседнюю комнату. Участкового усадили на почетное место за столом и стали слушать. Все жалобы сводились к одному: Амонд не дает житья ни соседям, ни их четвероногим друзьям, ни прохожим – всех достал! На всех бросается, всех кусает!

– Быть не может, – в сердцах воскликнула хозяйка, – он же сама доброта!

– Доброта по улицам без намордника не бегает, – парировал подготовленный к разговору милиционер. – Что делать будем? Может, в поликлинику его, на опыты?

– Это вас в поликлинику сдать надо, – не выдержали нервы у хозяйки. – А Амонд по улице без хозяина не гуляет.

Все посмотрели на хозяина. Тот растерянно крикнул и потянулся к серванту. Через мгновение на столе появилась бутылка «Столичной»; участковый как-то странно заерзал на своем месте, а хозяйка, недовольная ходом истории, вышла, забрав с собой детей. Мужчины молча выпили по первой. Служивый заметно подобрел, но не успел он и рта раскрыть, как дверь на кухню с грохотом распахнулась и перед собутыльниками предстал герой соседских кляуз. В этот момент хозяину подумалось: сделай Амонд хоть что-то собачье – гавкни там, завой, – и делу конец. Участковый сразу решит, что собака неуправляема и возьмет это на заметку. Чем все кончится, ведаёт лишь Бог. Но произошло иное. Амонд, впервые в жизни увидевший – о, чудо! – выпивающего милиционера, да еще за хозяйским столом, сразу решил, что это друг, мент с человеческим лицом, и, доброжелательно завивая хвостиком, подал ему лапу. Не ожидавший такого поворота участковый с достоинством протянул псу свою, и, обменявшись крепким рукопожатием, оба успокоились.

Когда бутылка опорожнилась, милиционер был уже полностью на стороне Амонда, а уходя, клятвенно заверил радушных хозяев, что лично возьмет под контроль ябедников, дабы семейству не тужилось. Вот так в простом советском, еще раз простите, российском милиционере Амонд разглядел человека, а тот, в свою очередь, разглядел его в Амонде.

Как говаривал великий Хармс* (это кличка), случай вроде ерундовый, но характерный.

***Справка для непосвященных**

ДАНИИЛ ХАРМС

Хармс Дании́л Ива́нович (1905—42), русский писатель. Настоящая фамилия – Ювачев. В пьесе «Елизавета Бам», повести «Старуха», в гротескных рассказах (цикл «Случаи») показывал абсурдность бытия, обезличивание человека, ощущение надвигающегося кошмара. Комические парадоксы, игровой принцип преобладают в стихах для детей («Иван Иванович Самовар», «Игра», «Собака съела маргарин»). Репрессирован (1941), симулировал сумасшествие, прикидываясь Каштанкой, умер в одной из психиатрических лечебниц Черноземья.

Глава восьмая

В которой появляются «семеро смелых» и так же быстро исчезают.

Амонду снился сон. Будто он стал Богом и ему предстояло создать Вселенную. Видимо, ему очень нравилось быть Богом, потому что во сне пес мурлыкал какую-то затейливую песенку и сладко пускал слюни.

Небо и землю Богу Амонду почему-то создавать не хотелось – он сразу решил начать с человека. «Друг прежде всего, – думал Амонд, – а небо и землю мы с ним потом вместе создадим»... Насчет выбора человека Амонд особо не раздумывал, первым он создал хозяина, затем – хозяйку, «наплодил» им детей и построил дом. В Борках. Вспомнил про небо и землю, не забыл про звезды и светила. В общем, когда расставил все по своим местам, взялся за самое сложное – мороженое и курицу. С первым пришлось изрядно потрудиться, зато получилось самое универсальное в мире мороженое – оно не таяло, не пропадало и само лезло в рот. С курицей было просто, как и с прочим мясом. Единственное, от чего он напрочь отказался – это кошки. Что в них проку? Лаять не умеют... Да и кто хозяина охранять будет, не кошки же? Придется самому... Бог Амонд поворчал во сне – мол, все сам да сам, – и решил приступить к созданию других собак. «И назову я их ангелы», – только и успел подумать Амонд перед тем, как его нагло разбудили.

Он с превеликим трудом поднял веко, обнаружив перед собой только что созданного хозяина. Осмотрелся – все было чужим вокруг: двери, окна, пол, потолки, ковры, мебель. «Мы в гостях», – вспомнил Амонд, ощущая пустоту желудка. На стене красовался огромный портрет какого-то мопса*. «Перестарался я», – поморщился стаффорд и окончательно проснулся.

– Просыпайся, придурок, домой пора, – ласково сказал хозяин, с трудом обуывая второй ботинок. Потом подумал, что сегодняшнее гостеприимство вряд ли дотягивает до твердой тройки, и вспомнив обрывок подходящей пословицы, добавил – ... дома лучше.

Выйдя из подъезда, повернули к арке, что выходит к Плехановской. Там-то и случилось то, о чем потом долго вспоминали со смехом. Хотя именно в тот момент было вовсе не смешно.

В арке навстречу шли семеро. Амонд грозно зарычал, но хозяин успокоил его, погладив по холке. Семеро поравнялись с ними, а когда вроде бы уже прошли, хозяин глазом моргнуть не успел, как получил чем-то тяжелым по голове. На несколько секунд потерял сознание. Когда очнулся, увидел презабавнейшую картину. Каким-то чудодейственным способом Амонду удалось схватить всех мерзавцев, да не просто схватить, а еще и уложить их вокруг раненого хозяина на асфальт, пресекая любое движение.

Проделав такой фокус, достойный разве что Копперфильда, Амонд самодовольно уселся перед жертвами и стал наблюдать, как хозяин бьет им нахальные морды. Когда дело было сделано, хулиганы, извинившись, спешно ретировались. В дальнейшем они

не раз еще возникали в жизни Амонда, и тот с удовлетворением отмечал, что урок вчерашним хулиганам пошел на пользу: они при каждой встрече раскланивались перед хозяевами Амонда, здоровались и прощались, как подобает вежливым господам, и если обращались к Амонду, то только на «вы». Примерно это выглядело так:

– Здравствуйте! Как Ваше здоровье?

– Гав, гав...

– Спасибо! До свидания! Простите за беспокойство.

– Гав...

Прохожие покатывались со смеху, а всемогущий Амонд, гордо задрал к небу свой одноглазый скворечник, шествовал дальше, к новым историям и деяниям... Возможно, если б Бог был собакой, мир не был бы таким мрачным, как подъезд «хрущевки», и таким злым, как вечерняя арка.

***Справка для непосвященных**

МОПС (нем. morse – ворчун) – древняя китайская декоративная порода, была вывезена в Голландию, где стала чрезвычайно популярной, так как ее окрас уподоблялся цветам пражского дома Оранских. Вильгельм III Оранский, став английским королем, привез в Англию нескольких мопсов. Они приобрели невероятную популярность и при английском дворе. В то время мопсы были несколько крупнее, но путем скрещивания заводчики достигли современного размера. Впоследствии количество мопсов стало резко сокращаться, и порода чуть было не исчезла. Английская королева Виктория изъявила желание иметь эту собаку, и для нее с большим трудом нашли всего одну... Собака прекрасно ладит с детьми, очень привязчива и дружелюбна.

Глава девятая

Амонд становится спасателем.

В мире не так уж мало добра, как нам порой кажется. И добрых людей в этом мире хватает. Добрые люди не обижают слабых и не раздражают сильных. А еще они имеют обыкновение не брать с других хороших людей за работу денег, поэтому приходится почти насильно сажать их за стол, чтобы накормить до отвала и напоить до беспамятства.

Однажды, пока гости ужинали, погода за окном резко переменилась. Морозный февральский ветер завалил Борки белыми пушистыми сугробами. И когда Колюшка, водитель того самого грузовика, который после провала операции «кабан, ко мне!» вывез мышиный дом, наевшись и напившись, вышел на крыльцо, то сразу понял – через губу в таком состоянии, может, и переплунешь, но через сугробы не переедешь точно. Тогда им было принято ответственное решение – идти домой пешком, а за машиной вернуться утром. Гостя долго провожали, и, наконец, проводив, продолжили дегустацию разнообразных напитков в тесном домашнем кругу.

Амонд, весьма утомленный игрой с мышами, тихо посапывал в кресле у камина. Вдруг ни с того, ни с сего он рванулся к входной двери и с рыком стал скрести ее своими острыми когтями. Все решили, что мальчику срочно нужно отлить, поэтому без всяких мыслей выпустили его на заснеженную улицу. Обычно собачье «отлить» занимает совсем немного времени, особенно в такую погоду, но Амонда в тот вечер ждали с «прогулки» почти два часа.

Когда на веранде раздался лай, встревоженные хозяева, отворив дверь, увидели презанимательную картину, достойную кисти Перова: у порога лежало... тело ушедшего домой Коляна, местами прикрытое лохмотьями заледеневшей одежды, и громко храпело. Лицо его было розовым и влажным от собачьей слюны.

Пострадавшего раздели донага, обильно растерли водкой, закутали в теплое одеяло и уложили спать у камина. Одежду, не представлявшую после Амондовых зубов никакой ценности, с грохотом бросили размораживаться в ванну. Наутро отправились смотреть следы, по которым определили, что Колюшка «ехал» по глубоким сугробам на Амонде не меньше километра. Но перед этим еле живой Колян провалился в спрятанный под тонкой коркой льда ручей и, выбравшись из него, ошарашенный благоприятным исходом дела и довольный собой, тут же уснул неподалеку в сугробе. Естественно, бедолага даже не подозревал, чем ему это грозит.

До сих пор никто не понимает, как это сытому, уже засыпающему Амонду вдруг взбрело в голову посреди ночи пойти по морозу прогуляться за километр от дома?! А Колюшка, пробудившись был очень серьезно озадачен: шел из гостей домой, а попал опять в гости! Чу-де-са...

Глава десятая

О безусловном вреде пьянства.

Год спустя, будучи Спасателем со стажем, Амонд изрядно укрепил свою репутацию, буквально вытащив с того света Колюшкиного брата, сторожа Фишку.

Напившись с другом знаменитой боркинской самогонки, Фишка взял поводок и, прицепив к нему с одной стороны себя, а с другой – Амонда, в зимнюю стужу пошел проводить домой в деревню дорогого гостя. Благополучно исполнив миссию, на обратном пути он уселся в сугроб, дабы покурить, и неожиданно для себя уснул.

Конечно, если бы он уснул с сигаретой не в сугробе, а дома в постели, Амонд едва ли смог бы чем-то ему помочь, разве что затушить курильщика и его дымящуюся постель из собственного брандспойта. Но в данном случае Фишка оставил ему выбор, прямо скажем, небольшой – либо околейвай вместе со мной в сугробе, либо тащи меня домой! Конечно, всегда есть третий вариант. К примеру, перегрызть поводок и – хрен с тобой, спи, сколько хочешь! Только этот вариант был не для Амонда.

Фишке повезло меньше, чем его брату, Коленьке. Снега в том году было мало. Кроме того, ехать ему пришлось с крутой горы вниз головой, бороздя пьяной физиономией ледяные кочки и припорошенный строительный мусор. Да еще в доме никого не было, и раздевать пьяного «большого брата» Амонду пришлось самому. Желая поскорее протрезвить Фишку, Амонд даже не удосужился закрыть за собой входную дверь. Впрочем, и это пошло на пользу.

Как уверял позже Фишка, проснулся он от того, что дышать ему больше не представлялось никакой возможности: собака делала ему искусственное дыхание, причем весьма странным образом (не просто «рот в рот»). Оказалось, что Амонд неплохо знаком с различными способами оказания первой помощи. Собачий язык, достигнув самого желудка Фишки, извлекал из него остатки неусвоенного организмом самогона. Фишка от переполнивших его спасенную душу эмоций уже решил предложить ее обратно Богу, но вдруг обратил внимание на свою полнейшую наготу, – при открытой двери-то! – и пришел в окончательный ужас. Господи, страмота-то какая! Но сопротивляться бесполезно.

Пока Амонд не удалил весь до капли самогон из родного Фишкиного организма, он не успокоился. Когда же дело было сделано, оба героя так и уснули на полу, крепко обняв улыбающуюся голову белого медведя, дружелюбно расстелившего друзьям для ночлега собственную шкуру. Только вот шкура очень уж пахла всяческими вонючестями соседского кобелька Гарика! В миру Гарика с уважением величали таксой*, но это уже совсем другая история. А за этот подвиг ни ордена, ни медали ни от Фишки, ни от правительства Амонд так и не получил, как впрочем, и за все остальные совершенные им подвиги...

*Справка для непосвященных

Таксы – группа старинных немецких пород охотничьих норных собак. Используются для охоты на барсуков и лисиц. Различают гладкошерстных, длинношерстных и жесткошерстных такс. Гладкошерстные известны уже с XIV века. Длинношерстные таксы появились веком позже, жесткошерстные – в конце XVII века. В 1888 году в Германии был создан клуб любителей такс и принят первый стандарт. Крепкие, мускулистые собаки с сильно растянутым туло-

вищем и короткими ногами, покрытыми складками кожи. Однако таксы не выглядят неуклюжими и неповоротливыми. Это подвижные, энергичные собаки. Очень привязчивы и верны хозяину, отличные сторожа, обладают громкими голосами. Популярны во всем мире.

Глава одиннадцатая

Что такое собачья радость и с чем ее едят? А также ценнейшая информация о водоизмещении среднего стаффорда.

Должно быть, собачья радость – это аппетитная косточка. Или огромная, не вмещающаяся в пасти, кость. Или кусок мяса. А то и два куска. Не нам, людям, судить... Тем более что для нас собачья радость – это всего лишь острая аджика, помните такую? Смею предположить, что все-таки собачья радость для наших четвероногих друзей – нечто большее, чем все упомянутое выше. Например, дружба! Которую точно не съешь и не спрячешь в лодке под хозяйским бушлатом.

Как известно, у охотничьих собак, каковой и является такса, кроме слова «собака», с бойцовыми нет ничего общего. Еще известно, что такса – самое вызывающее недоразумение мировой охотничьей кинологии. Есть предположение, откуда появилось понятие «токсичность». Лису, видите ли, им подавай, да еще с норой. А где ж их столько взять-то лис этих?! Вот если б разводил их кто, с норами вместе, чтобы каждой таксе по штуке – другое дело. А так, видите ли, без охоты у них характер вредный получается. А у кого ж он без охоты не вредный будет. Может у людей?! Куда деваться от характера, если неохота...

Вышеупомянутый Гарик был существом крайне эгоистичным. Но Амонд тем не менее любил его с детства, прощая практически все подлые шалости. Зачастую Гарик забывал, кто из них сильнее, и стаффорд, дабы не усугублять и без того порядком доставшее его собачье одиночество, не считал нужным делать достоверную расстановку сил. Хозяева Гарика были Амонду очень близки и по духу, и по темпераменту, и по обладанию всеми положительными человеческими качествами. А самое главное – по своему отношению к Гарику. Они любили этого балбеса больше собственной жизни, но, тем не менее, вся их жизнь заключалась в постоянном желании того же самого Гарика, мягко говоря, убить!

Гарик, даже обретя с возрастом небольшое количество мозговых извилин, так и не стал обращаться к Амонду на «вы», подобно «семерым смелым». И в Борках ему больше всего на свете нравилось мешать Амонду купаться в реке. Иногда Амонд делал вид, что обижается, но только для проформы, ведь он всегда понимал, на кого обижаться стоит, а на кого – нет.

Но один раз «таксист» Гарик прокололся. Несмотря на свои выдающиеся актерские способности, он не сумел правдиво разыграть сцену обычного для него эгоистичного идиотизма.

В тот день нестерпимая жара и злые голодные комары загнали обитателей Новых Борок вместе с их гостями в воду. Прохладное и спокойное течение реки уносило их умиротворенные тела куда-то вдаль, когда послышался панический лай Гарика, вместе с Амондом отставшего от хозяев. Обращать внимание на глупый лай таксы – занятие пустое. И все же...

– Смотрите! – воскликнул кто-то. – Гарик тонет!!!

Но Гарик не тонул. Он, сопротивляясь течению, кружил на одном месте, изо всех сил пытаясь обратить на себя внимание. Увы, только Амонд мог по достоинству оценить вокаль-

ный талант Гарика, но Амонда над водой не наблюдалось. Он наслаждался вокализами своего воспитанника уже где-то по другую сторону речной глади.

«Под воду ушел», – догадался хозяин. Как выяснилось уже через минуту, когда хозяин заботливо тряс за задние лапы извлеченного из водорослей Амонда, освобождая от лишней жидкости его желудок и легкие, водоизмещение среднего стаффорда составляет около десяти литров.

То ли из упрямства, то ли из ехидства, но купаться Амонд с тех пор реже не стал. Зато Гарика стали пинать гораздо реже.

Да уж, подводная охота – это вам не мух гонять. А Гарик однажды довел-таки Амонда. Да так довел, что загнал его Амонд в машину, и не выпускал больше. Может, и сейчас сидит Гарик где-нибудь в Борках на переднем сиденье авто и мечтает о простой собачьей радости, крепкой и верной дружбе. Только где ее теперь, взять?

Глава двенадцатая

Самая короткая, но не менее важная.

К сожалению, собака не разбирает – надо ли ей выполнять ту или иную команду хозяина: она обязана выполнять все. А команда команде рознь. Здесь все зависит от человека, воспитывающего своего друга. И если хозяин злой, нечестный, завистник или скряга – то и собака вырастет такой же!

Видимо, ту ни в чем не повинную овчарку воспитывал бывший «афганец». И его пес ничего, кроме крови и пушечного мяса, в своей жизни не видел. Но афганская война для нас давно кончилась, а бедная собака привыкла лишь к двум командам: «Взять духа!» (на человека) и «Бей зверя!» (на животное). Однажды их пути пересеклись – Амонда и овчарки. Овчарка не могла не выполнить приказание человека, и «Бей зверя!» стало ее последней командой. Так люди предают своих друзей...

Глава тринадцатая

Слово в защиту библейских мудрецов.

И кое-что о бесполезности заборов.

Помните занятное объявление в одной рекламной газетке?
«Продается собака. Ест все. Очень любит маленьких детей...»

Так вот, Амонд детей не ел, но тоже очень любил. А еще, как вы помните, он обожал курицу и мороженое. Но когда всего много, Амонд терялся. Так, если перед ним вырастала гора свинины – хозяин на охоте кабана завалил! – он забирался на самую верхушку и победно восседал там, даже не притрагиваясь к мясу: «Все мое!» Но едва от кабана начинали отрезаться куски, Амонд сразу же суетился: как же так, только что свиньи было божественно много, а теперь она так бездарно растаскивается?!

Нечто подобное произошло в одно прекрасное утро. Предусмотрительно посадив Амонда на прочный кожаный поводок, хозяйская старшая дочь решила прогуляться с ним до ближайшего гастронома. Так сказать, людей посмотреть и собаку показать... Стаффорд так радовался, что по дороге едва не опрокинул пару урн и не сшиб с ног тройку прохожих. У магазина девочка привязала его к забору и вошла в раскрытую настежь стеклянную дверь. Одинокому Амонду лезли в нос всяческие вкусные и нестерпимо соблазнительные запахи. После мучительных раздумий он снес забор и помчался ко входу. Черт! С забором не прорваться! – подумал пес, и для приличия, а может, чтоб никто не догадался о его причастности к хулиганскому сносу теперь уже бесполезного заградительного предмета, перегрыз поводок. Девочка, привыкшая к вопросам типа «Чей крокодил?», на этот раз услышала обычное:

– Чья собака?

– Так чья же это собака?

Если б вы знали, дорогие читатели, как же трудно порой отвечать на такие вопросы! Как тяжело признаваться, что та самая собака, забравшаяся под прилавок и слопавшая чужую колбасу, – ваша! В данном случае все было гораздо серьезней: Амонд, не в силах совладать с мучившими его соблазнами, нагло забрался на сам прилавок. Боже мой, что в тот миг пришлось пережить бедной девочке!.. Об этом лучше промолчать. А вот Амонду хоть и повезло, но все же не до конца. Колбасы и сыра было так много, что пес, вновь почувствовав себя владельцем всего этого съедобного великолепия, опять растерялся. Да так ничего и не попробовал. Правы все же библейские мудрецы: лучше уж синица в руке, чем журавль в небе! А еще лучше, когда волки сыты и овцы целы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.